

УДК 18

Проблема понимания в герменевтике

Ильин Виктор Васильевич

Доктор философских наук,
профессор,
кафедра философии,

Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева,
127550, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Мамедов Азер Агабала оглы

Кандидат философских наук,
доцент,
кафедра философии,

Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева,
127550, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49;
e-mail: azermamedov@mail.ru

Тимофеев Александр Вадимович

Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С.П. Королева

(национальный исследовательский университет),
443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе, 34;
e-mail: timofeevav@list.ru

Платонов Виталий Васильевич

Аспирант,
кафедра философии,

Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева,
127550, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49;
e-mail: v.v.platonov@inbox.ru

Аннотация

Понимание «понимания» представляется когнитивным процессом умственного означивания, ресурсом герменевтики. Особое внимание уделяется оценке таких составляющих данного процесса, как распознавание смыслов в коммуникативной среде; организация текстов; размерность ситуаций; апелляция к сверткестовым смыслозначимостям. Акт понимания композиционно уподобляется некоему мегаконтур, включающему следующие аддитивные группы: предпонимание, вводящее релевантные рамки распознавания смыслов в коммуникативной среде; текст, толкуемый как образно-символическая система; контекст, вводящий соответствие смыслов-значений размерности ситуаций; подтекст, апеллирующий к сверткестовым смыслам, базирующимся на наведение мостов от ядерных признаков единств к периферическим. Подтекст есть позиционная универсалия, которая доопределяет, доуточняет ранее реализованные референциальные, прагматические, синтаксические виды определения и уточнения фигур заинтересованного обмена деятельностью. Авторы подчеркивают, что комплементарность подтекста интерактивных ситуаций обуславливается взаимопереплетением явлений языкового и неязыкового порядка, объективируемых на вербальном и невербальном уровнях и востребующих уяснения, уловления, идейной разборки, расшифровки обнаружением духовно-жизненной пронизательности. Такой подход позволяет квалифицировать понимание как комплементарную процедуру, опирающуюся на пресуппозицию, диспозицию, экспектацию, референцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Ильин В.В., Мамедов А.А., Тимофеев А.В., Платонов В.В. Проблема понимания в герменевтике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 22-34.

Ключевые слова

Понимание, текст, коммуникация, интерпретация.

Введение

Полнота понимания как состояние воспринимающей души кристаллизуется на средоточии осей: знаковой; смысловой; предметной; поведенческой определенности, позволяющих устанавливать общий и ситуативный смысл происходящего, пропуская целое через часть, текст через контекст. Такая трактовка позволяет квалифицировать понимание как комплементарную процедуру, опирающуюся на пресуппозицию, диспозицию, экспектацию, референцию. Все это справедливо, необходимо, но недостаточно. Помимо указанных типов условий складывания надлежащей предметно-содержательной определенности

должна быть учтена имплицитная позиционность коммуникации с координированными с нею коммуникантами. Речь идет о подтекстной интенции и преференции во всех регистрах их возможного обнаружения – от онтологичности до онтичности.

Понимание в герменевтике

Как говорил Станиславский, в театр ездят ради подтекста, – текст можно читать дома.

Подтекст есть позиционная универсалия, которая доопределяет, доуточняет ранее реализованные референциальные, прагматические, синтаксические виды определения и уточнения фигур заинтересованного обмена деятельностью. Без претензий на какую–то глубину подтекст вводит внеситуативные соображения смыслозначимости. Для иллюстрации мысли оттолкнемся от некоторых примеров.

(1) Гипотеза Праута при постановке проверочных экспериментов практически никогда не давала положительных результатов, но не фальсифицировалась. Вступает в действие купирующий подтекст: простота, элегантность композиции природы.

(2) Указ Петра I: конным офицерам спешиваться при проезде вблизи кавалерийских частей. Подтекст: офицерская честь, достоинство не должны страдать вследствие уничижительной реакции низших чинов.

(3) Идеологема «особость русского пути» (для кого панацея, для кого мифология). Подтекст: религиозно-нравственный цивилизационный мессионизм и миссионизм «народа-богоносца».

Подтекст есть предельный, граничный способ легализации понимания консенсусом. Близки интенции-преференции, понимание вырабатывается; не близки– никогда. Подтекст невозможно «доказать», его возможно «принять» по соображениям близости наперед заявленных (априорных относительно ситуации) предпосылочных идей. Встраиваешься в апологию мессионизма–миссионизма «Москва – третий Рим» – разделяешь платформу российских провиденциалистских надежд; не встраиваешься – не разделяешь (образ православного царства с воплощенной благодатью духа святого утрачивает магию, перестает завораживать).

Контекст решает тактическую пресуппозитивную задачу: обсуждение темы «Х – хороший правитель» крепится на предпосылочной информации о том, что Х – «вообще правитель». Подтекст решает стратегическую пресуппозитивную задачу: обсуждение темы «Х – хороший правитель» крепится на предпосылочной информации о том, что такое правление и когда оно в принципе бывает хорошим.

Здесь – простор коннотаций – отблесков элитарного и массового сознания, влиятельных и невлиятельных традиций-предрассудков, иницилирующих препарирующую и связывающую работу. Подтекст в еще большей мере, нежели текст и контекст, завязан на множество мыслей, а не предложений (пропозиций). Выставление идейно-содержательного начала

подтекста исходно отменяет возможность удостоверения рождаемых в отнесении к нему смыслозначимостей через формальные методы. Перед нами случай, когда эффективная во многих других эпизодах формальная процедура неработоспособна. И это – по вполне очевидной причине: невозможности строгими методами избавиться от навеваемой подтекстом неопределенности, двусмысленности.

Как было сказано, подтекст в понимательном процессе выполняет функцию позиционной универсалии, проводящей семантическое доопределение и доуточнение. Как именно? По ассоциативно-метафорическому, тропному способу посредством сверхтонкого «смыслового подравнивания» [Верещагин, Костомаров, 2005, 698], мотивно-целевого, тематического сближения. В таких техниках, затребующих пронизательности, утрируется апелляция к за-текстовым обстоятельствам дел с выстраиванием проективных связей, употреблением наводящих методов (мостонаводящих законов) [Ильин, 2005], вычленением центровых признаков смыслов с присоединением к ним дополнительных, обволакивающих, сопутствующих оттенков, применением толкований, комментирований. Зависимое от интенций связывание основной и вспомогательной информации разрушает однозначное восстановление смысловых функций по некоторым значениям, следовательно, не оставляет простора интерполяции, алгоритмизации, формализации, логизации. Капитально подтекст нацелен на видение, а не распознавание, что и выносит приговор стандартизирующей, технизирующей, омассовляющей процедуре.

Подтекст – генератор синтетического знания, не формирующегося вследствие прямого узрения всей совокупности предметных признаков и обусловливаемых ими значений. Кроме того, подтекст – активно производящая инстанция всевозможных намеков, неявностей, подразумеваний, скрытностей, откуда трудно не то что вывести, но и добыть смысл.

Опять же обратимся к примерам.

Культура. Контекст средневековой культуры достаточно прямолинеен: принимается двумерная картина действительности с двузначными истинностными значениями-оценками: «добро – зло», обозначаемыми постоянным эпитетом. Контекст новоевропейской культуры подобную прямолинейность в квалификациях утрачивает. Возникают объемные, постоянным эпитетом не обозначаемые постановки «за что»; «во имя чего» – намечаются идейные платформы с подтекстом:

(а) «человек долга, разума» (Просвещение), воплощающий идеал «золотого века» в терминах «рационального устройства»;

(в) «человек чувства, страсти», воплощающий идеал «личной, гражданской свободы» (романтизм).

Граничные точки (а) – (в) абсорбируют противоположные экзистенциальные устои – «жизнь ratio» – «жизнь сердца», приуроченные к ним творческие стили выражения «мира души».

Далее – космологические человекоцентричные постановки «Кто виноват?», «Что делать?», не имеющие прямых и однозначных ответов.

Пробегая частности, далее – упразднение каких бы то ни было ответственных постановок и их разрешений в текстах абсурда (Кафка, Сартр, Камю, Ионеско, Беккет, Батай), контекстуальных изысках постмодерна: идеологема нелинейности письма: всякий текст творится контекстом с ликвидацией исходной ценности текста (принцип плюральной дополнительности) и соотносимого с ним подтекста (подтекст как средоточие внетекстовой информации, адресация к которой позволяет проводить востребуемые реконструкции, атрибуции, оказывается попросту не нужен, – все поглощает произвол переформатирующего текст в контексте актора).

Критика постмодернистского методологического самочиния не кладет какую-то тень на вполне реальное явление «сотворчества» автора и читателя, текста и интерпретатора. Напомним В. Виноградова: «Читатель не только “читает” писателя, но и творит вместе с ним, подставляя в его произведение все новые и новые содержания. И в этом смысле можно смело говорить о “сотворчестве” читателя автору»[Виноградов, 1971, 8]. Текст «живет в интерпретации читателей, которые не имеют возможности обратиться к писателю и узнать, что он имел в виду»; литература «открывает если не каждому поколению, то каждой эпохе, нечто свое. В этом свойстве художественного текста заключается его мощь. Он живет уже не в том, кто породил его... а в сознании читателя»[Текст и комментарий, 2006, 40-41]. Активность потребителя текста реальна, но не всепоглощающа, – ни в коем случае не покушается на начало референциальной релевантности, историчности. В противном случае – актуализм, волюнтаризм постмодернизма.

Наука. Многие формулировки науки, если можно так выразиться, номинативны. Так, синтаксически «ускорение» выражается записью $w = \frac{\Delta v}{\Delta t}$ с идеей вектора, направление которого совпадает с направлением вектора силы; синтаксически всемирное тяготение выражается записью $F = G \cdot m_1 m_2 / r^2$ с идеей силы взаимного притяжения материальных точек; синтаксически инерция выражается идеей сохранения состояния покоя или равномерного, прямолинейного движения, когда действующие на него силы отсутствуют или взаимно уравновешены.

При попытке высказаться о природе явления на субстанциальном уровне возможно столкнуться с дефицитом текста и контекста. Для эссенциальной трактовки «ускорения» Ньютон вводил «абсолютное пространство»; оно требовалось ему и для объяснения возникновения сил инерции. По поводу гравитации имело место привлечение моделей натуральных магов, кембриджских платоников. Таким образом, концепты «ускорение», «инерция», «гравитация» получили содержательное удостоверение в терминах подтекста.

Для Маха ньютоновский подтекст трактовки «ускорения», «инерции» не репрезентативен. Он вводит автономный принцип: причина инерциальных систем отсчета – наличие удаленных космических масс. Если принимать принцип Маха, придется не принимать идеологию релятивистской механики: принцип Маха крепится на предпосылочном (подтекстном) дальнодействии, тогда как физический релятивизм – на предпосылочном

(подтекстном) близкодействии. В свою очередь, если принимать идеологию физического релятивизма, придется не принимать идеологию махизма; в таком разе субстанциальное толкование «инерции» разрушается. Если все-таки не жертвовать субстанционализмом когниций, остается приспособлять принцип Маха к формулировкам, совместимым с ОТО. Что же до «гравитации», то субстанциальных истолкований природы этого фундаментального физического взаимодействия наша культура не выработала; ньютоновский же подтекст забраквала.

Отсутствие подтекста – отсутствие полной понимающей ясности в главном, в чем и заключается рельефная суть приведенного примера: нет скрытого смысла, – нет сообщения (самого вербитума – как в эпизоде «гравитация»), нет и рецепции речи, уподобляемой культуроориентированной эхоталии.

Лирика (духовно–душевное самовыражение). Пастернак:

Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе.

Свеча горела.

(Эмоционально-метафизическая настройка на обнаружение...)

На озаренный потолок ложились тени,

Скрещенья душ, скрещенья ног,

Судьбы скрещенья.

(... вечного в мгновенном, – перипетий жизненного самотека с многотрудным, едва выразимым представлением собственной судьбической участи, существовательной доли).

Модель мира, судьбы в явленности момента (подтекстный метаболический ряд: свеча – свет – тень – судьба) – именно в этом «притча художества» – апеллесова черта, разграничивающая «до» и «после» прозревания. Какими же способами указываемое прочувствуемое фиксировать? Уяснять?

Оформление смыслозначимости идет здесь помимо, поверх вербализации с идентификацией мотивации, интенции, квалификацией ситуации складывания сообщения, порождения текста. Просматривающийся подтекст подводит к скрытому содержанию словоформ (знакового массива). Исключительно подводит, опираясь на внутренний потенциал акцептора. В нашем случае пробивание к «ясно-смутному знанию» (Гумбольдт) «назначения жизни» осуществляется отнесением знаков к приписывающим смыслозначимость достояниям памяти – мнемам-энграммам. Поскольку у всех и каждого они специфичны, специфичны содержания, динамизирующие понимание воспринимаемого.

«Понимание есть переложение мысли на другой язык» [Потебня 1926, 79], – говорит Потебня. «На другой язык» означает разворачивание особой герменевтической процедуры, партикулярно (по мнемам-энграммам) спрягающей (в тексте Пастернака) метафизические необозримости типа «судьба», «назначение», «доля».

Экзистенция. Контекст – эксплицирующий ресурс, осуществляет (через наведение) антиципацию смысла. Подтекст – идентифицирующий ресурс, осуществляет (через подведение) фиксацию смысла.

Вникнем в посаженный в душу, как растение в почву, жизненный императив: «Влюбляйтесь! Кто не умеет любить, художником (и не только – *В.И.*) не станет» (Коровин). О чем речь? О музе? Об обострении чувств? Наверное, решить невозможно. И то, и то, и еще что-то – верно. Никакой методологический, семантический инструктаж тут неуместен. Есть понимание справедливости пафоса соображения на уровне предощущения. Далее по мнемам-энграммам остается заниматься расшифровкой смысла, устанавливать уровни значения (разумеется, в обход логицизирующих, алгоритмизирующих, стандартизирующих процессов).

Символизм. Пешковский совершенно справедливо настаивал на неизбежной образности всякого слова. Между тем в кругу образных слов есть слова менее образные – информативные констативы, более образные – абстрактные концепты и сверхобразные – символы. Нигде, никогда, никак символ не исчерпывается одним смыслом-значением; *exdefinitione* он – многолик, полифундаментален [Ильин, 2013]. Онтологическая недоуточненность и неудоуточняемость символа («Свет», «Почва», «Кровь» и т.д.) объективирует характерную особенность рецепции символаформ, называемую семантической причинностью. Именно она (в обход предметной причинности), в зависимости от ощущения запредельности, манифестирует порядки «сокрытия и откровения» (Карлейль) в подвижном диапазоне «личностная – надличностная (архетипическая) символика», – мать и первоматерь – «пра-родительница человечества»; любимая женщина (Блок: «Люба и все остальные») и «женщина = любовь – воплощение любви = женственности». (Ср.: гетевская идея «Вечной женственности» – *Ewig-Neibliche*). В заявлениях и проявлениях такого рода подтекстов, надо признать, крайне сложно налаживать дискурсивное взаимодействие.

Заявление модуса. Гиппиус: «Научный» материализм «всегда туп и нетерпим, роковым образом самодоволен. Он представляет... известный культурный срыв и неизбежно кончается потерей понятия личности» [Гиппиус, 1996, 213]. Неприемлемы (в разряде персональной символики) скрытые подтекстовые целеориентации философской платформы.

Заявление диктума. Линия Канта: идея не изобразима. Линия немецких романтиков (Новалис, А., Ф. Шлегели): идея изобразима в лоне художественного творчества – не как логически завершенное, конкретно полное фактуальное соответствие, а как воплотительно-образительное устремление, тематическое приближение, асимптотическое выражение, аппроксимирующая версификация. Подтекст: фундаментальная некорреспондируемость идеалов знания и познания, некогерлируемость компонентов базисной гносеологической доктрины (в разряде имперсональной символики).

Заключение. Подобно контексту, подтекст есть не только языковое, но и коммуникативное образование, оказывающееся средоточием скрытых смыслозначимостей. Комплементарность подтекста интерактивных ситуаций обуславливается взаимопереплетением явле-

ний языкового и неязыкового порядка, объективируемых на вербальном и невербальном уровнях и востребующих уяснения, уловления, идейной разборки, расшифровки обнаружением духовно–жизненной пронизательности.

Языковое измерение подтекста. Способ неявного заявления содержания словоформ через акты порождения речи. Это именно тот случай, когда слово рядится в тогу агента интеллектуального смыслового действия. Как требовал Станиславский, «надо уметь действовать словом, а не произносить (глоссолалия – *автор*) слова». Утрируется богатство смыслозначимой массы слова в характерной обертке фонации, локуции, иллокуции.

Освоение техники выстраивания разных типов текстов с непрозрачной идейной подоплекой составляет компетенцию психолингвистической и лексической семантики. Обратим внимание лишь на следующие инструменты озадачивания души:

– словоизобретательство: манера мыслевыражения, языковые нововведения с небывалыми смысловыми единицами, индуцированными интенциями на перекрытие «неподатливости» языка, не приспособленного к передаче авторского интимного от «восторга души» до «мучительного трагического». Те же северянинские приемы придания существительному глагольного обличья посредством приставки «о» – овагонить, огимнить, оперлить и т.д.; внедрения прилагательных-эпитетов – софный, беспопоявая; образования составных прилагательных – лилиебатистовый, злофейный и т.д.; изобретения существительных – угрозье, цветочье, всемирница и т.д.;

– использование обиходных слов с приданием оттенков значения за счет смысловой огранки (переплавления):

... И не жалость – мало жил,
И не горечь – мало дал, –
Много жил – кто в *наши* жил
Дни, все дал – кто песню дал
(Цветаева);

– звуковая организация, инструментовка (письмо «по слуху» – Цветаева), апелляция к родственным звучаниям, созвучиям, воссоздание мира через завороченность звуками – поиск аллитерации:

Сонные сонмы сомнабул весны
Санно манят в осиянные сны
Четко ночами рокочут ручьи.
Звучные речи ручья горячи.
Плачут сирени под лунный рефрен.
Очи хохочут песчаных сирен.
Лунные плены былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.
(Северянин);

поиск ассонанса:

Корпусами фабричными, зычными

И отзывчивыми на зов...

Сокровенную, подъязычную

Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей – тебе, подноготную

Тайну Евы от древа – вот:

Я не более чем животное,

Кем–то раненное в живот.

(Цветаева);

или:

Не флотом, не пòтом, не задом

В заплахах, не Шведом у ног,

Не ростом – из всякого ряду,

Не сносом – всего, чему срок, –

Не лòтом, не бòтом, не пивом

Немецким сквозь кнастеров дым,

И даже и не Петро–дивом

Своим (Петро–делом своим!)

(Цветаева).

Etc...

Плодотворное распознавание–реконструкция языкового измерения подтекста, способствующее уяснению смысла текста, проводится идентификацией речи. «Интонация и тембр голоса, – настаивает Г. Винокур, – акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приемы сюжетосложения, весь вообще *стилистический* уклад речи, т.е. все то, что отличает в ней именно *этого* говорящего... – ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но и еще как на поступок в истории личной жизни»[Винокур, 1927, 80-81].

Конкретно конструктивно–удостоверительная смысловая магистраль здесь устанавливается в более или менее точной форме уяснением статусов выражаемого (изображаемого) через символическое преобразование. Указанное уяснение обслуживают:

(а) *Предметное перевоплощение*. Ассоциативно мыслящий *homosymbolicum* («беллетрист», встроенный в «fiction») не фактофиксирует, – живописует; не копирует, внешне подражает («передразнивает» природу, – ср.: аристотелевский «мимесис»), а мастерски перерабатывает, образно преобразует с позиций *alsob* – возможного. (Кстати, насчет «подражания». В искусстве подражание – чистый физис, – дает не жизнь, а «оболочку»[Гегель, 1968, 48]). Есть мост, – поясняет Цветаева, – поэт должен не описывать его «как он есть сам по себе», а истолковывать его

образно «как он есть для нас». Отсюда творческое и понимающее кредо: «сам стань мостом или пусть мост станет тобой, отождествись или отождестви. Всегда – *иноскажи*... Осина уже дана зрительно; дай её внутренно, изнутри ствола: сердцевиною»[Орлов, 1965];

(в) *Антропоморфизация*. «Вещь» в символической продуктивной оболочке дана как не «самотождественный», а «умножаемо-одухотворяемый» предмет; не «утварь», а «тварь» (полезное различие В. Орлова). Дана как провокатор, подстрекающий к постиганию сопричастности человеческому (хотя бы цветаевская «Поэзия горы»);

(с) *Экспозиция (продумывание) устройства текста*. Установление правил сочленения единиц речи (фраз, слов, слогов); характера паузализации (полноценный момент ритма), совпадения/несовпадения метрических и синтаксических членений речевых отрезков, интонации (метрика в стихе может подчиняться интонации, т.е. синтаксису); оценка качества изъяснительных конструкций (полнота/неполнота предложений, наличие поясняющих элементов, эпитетов, умолчаний, подразумеваний) и т.д. У Цветаевой стихи «льются» и «рвутся»; единицей речи выступает не слово, фраза, а слог (наблюдение Орлова). Словоразделение осуществляет «тире», слогоразделение – «дефис». Пауза в стандарте – на конце строки; у Цветаевой – в середине или на начале следующей. Анжабеман реализует экспрессивное несовпадение метрического и синтаксического членения стиховой речи, оттеняет запинания, преткновения:

Двадцать лет свободы –
 Всем. Огня и дома –
 Всем. Игры, науки –
 Всем. Труда – любому,
 Лишь бы были руки.

Любая «темнота сжатости» текста не влечет перетекания в ребусы, безотрадный герметизм благодаря продумыванию – сотрудничеству автора текста и его потребителя: «что есть чтение, как неразгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределами слов... Чтение – прежде всего сотворчество... Устал от моей вещи, значит – хорошо читал и – хорошее читал. Усталость читателя – усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая»[Цветаева, 1926].

(d) *Адресация к этимологии, лексике*. Фигура «ямщикок обратный» находит прояснение обращением к лексической семантике, проводящей перевод тропов на язык мысли регистрацией «переносных» значений (в данном случае – «себе на уме», «с «задней мыслью»).

По сходной тактике – распознавание смысла в ассонансе, – по «корнесловию» – вычленению глубинных смыслов в слоях и рядах «родственных звучаний» (Орлов).

Библиография

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 243 с.

3. Винокур Г. Биография и культура. М.: ГАХН, 1927. 86 с.
 4. Гегель Г.В. Ф. Эстетика. В 4 томах. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
 5. Гиппиус З.Н. Тихое знамя. М.: Центр-100, 1996. 286 с.
 6. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 384 с.
 7. Ильин В.В. Философия и история науки. М.: Изд-во Московского университета, 2005. 432 с.
 8. Орлов В. Марина Цветаева: Судьба. Характер. Поэзия // Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л., 1965.
 9. Потебня А.А. Полн. Собрание сочинений. Т. 1. Харьков: Государственное издательство Украины, 1926. 205 с.
 10. Текст и комментарий. М.: Наука, 2006. 420 с.
 11. Цветаева М. Поэт о критике // Благонамеренный (Брюссель). 1926. № 2.
-

The problem of understanding in hermeneutics

Viktor V. Il'in

Doctor of Philosophy. Professor,
Department of philosophy,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
127550, 49 Timiryazevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Azer A. Mamedov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of philosophy,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
127550, 49 Timiryazevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: azermamedov@mail.ru

Aleksandr V. Timofeev

PhD in Pedagogy,
Samara State Aerospace University named after Academician S.P. Korolev

(National Research University),
443086, 34 Moskovskoe highway, Samara, Russian Federation;
e-mail: timofeevav@list.ru

Vitalii V. Platonov

Postgraduate,
Department of philosophy,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
127550, 49 Timiryazevskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: v.v.platonov@inbox.ru

Abstract

Understanding of "understanding" is a cognitive mental process of signification, resource of hermeneutics. Special attention is paid to the evaluation of such components of this process, as the recognition of meaning in the communicative environment; organization of texts; the dimension of the situation; the appeal to supertexts varieties. The act of understanding assimilates to the certain megacontour including additive groups: 1) the preunderstanding entering a relevant framework of recognition of meanings in the communicative environment; 2) the text interpreted as figurative and symbolical system; 3) the context entering compliance of meanings values of dimension of situations; 4) implication, deals with the extra text meanings, which are based on bridging from nuclear signs of unities to peripheral. Implication is a universal position, which predetermines pragmatic, syntactic types of definition and specification of figures of the interested exchange of activity. The author of this article emphasize that the complementarity of implication of interactive situations is caused by a mutually interlacing of the phenomena of a language and not language order at the verbal and nonverbal levels, demanding explanation, understanding, ideological dismantling, interpretation by detection of a spiritual and vital insight. Such approach allows to qualify understanding as the complementary procedure leaning on a presupposition, a disposition, an ekspektation, a reference.

For citation

Il'in V.V., Mamedov A.A., Timofeev A.V., Platonov V.V. (2017) Problema ponimaniya v germenevtike [The problem of understanding in hermeneutics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 22-34.

Keywords

Understanding, text, communication, interpretation.

References

1. Gegel' G.V.F. (1968) *Estetika* [Esthetics], vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.
2. Gippius Z.N.(1996) *Tikhoe znamya* [Quiet banner]. Moscow: Tsentr-100 Publ.
3. Il'in V.V.(2005) *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and history of science]. Moscow: Publishing house of Moscow University.
4. Il'in V.V.(2013) *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [The theory of knowledge. The "symbology". The theory of symbolic forms]. Moscow: Publishing house of Moscow University.
5. Orlov V.(1965) Marina Tsvetaeva: Sud'ba. Kharakter. Poeziya [The fate.The Character. Poetry]. Tsvetaeva M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow; Leningrad.
6. Potebnya A.A.(1926)*Polnoesobraniesochineniu* [Complete works] T. 1. Khar'kov: State publishing house of Ukraine.
7. *Tekst i kommentarii* [The text and commentary] (2006). Moscow: Nauka Publ.
8. Tsvetaeva M. Poet o kritike [Poet on criticism]. *Blagonamerennyi* [Well-intentioned], 2.
9. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G.(2005) *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Indrik Publ.
10. Vinogradov V.V.(1971) *O teorii khudozhestvennoi rechi* [About the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
11. Vinokur G.(1927) *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. Moscow: StateAcademyofArtisticSciences.